Beloe bezmolvie

Unbekannter Autor

SHOUT
SHARE
IT

•

Джек Лондон. Белое безмолвие

The White Silence	Джек Лондон "Белое безмолвие"
' Carmen won't last more than a couple of days.'	- Кармен и двух дней не протянет.
Mason spat out a chunk of ice and surveyed the poor animal ruefully, then put her foot in his mouth and proceeded to bite out the ice which clustered cruelly between the toes.	Мэйсон выплюнул кусок льда и уныло посмотрел на несчастное животное, потом, поднеся лапу собаки ко рту, стал опять скусывать лед, намерзший большими шишками у нее между пальцев.
'I never saw a dog with a highfalutin' name that ever was worth a rap,' he said, as he concluded his task and shoved her aside.	- Сколько я ни встречал собак с затейливыми кличками, все они никуда не годились, - сказал он, покончив со своим делом, и оттолкнул собаку.
'They just fade away and die under the responsibility.	- Они слабеют и в конце концов издыхают.
Did ye ever see one go wrong with a sensible name like Cassiar, Siwash, or Husky?	Ты видел, чтобы с собакой, которую зовут попросту Касьяр, Сиваш или Хаски, приключилось что-нибудь неладное?
No, sir!	Никогда!
Take a look at Shookum here, he's-Snap!	- Посмотри на Шукума: он... Раз!
The lean brute flashed up, the white teeth just missing Mason's throat.	Отощавший пес взметнулся вверх, едва не вцепившись клыками Мэйсону в горло.
' Ye will, will ye?'	- Ты что это придумал?
A shrewd clout behind the ear with the butt of the dog whip stretched the animal in the snow, quivering softly, a yellow slaver dripping from its fangs.	Сильный удар по голове рукояткой бича опрокинул собаку в снег; она судорожно вздрагивала, с клыков у нее капала желтая слюна.
'As I was saying, just look at Shookum here-he's got the spirit.	- Я и говорю, посмотри на Шукума: Шукум маху не даст.
Bet ye he eats Carmen before the week's out.'	Бьюсь об заклад, не пройдет и недели, как он задерет Кармен.
'I'll bank another proposition against that,' replied Malemute Kid, reversing the frozen bread placed before the fire to thaw.	- А я, - сказал Мэйлмют Кид, переворачивая хлеб, оттаивающий у костра, - бьюсь об заклад, что мы сами съедим

'We'll eat Shookum before the trip is over. What d'ye say, Ruth?'

Шукума, прежде чем доберемся до места. Что ты на это скажешь, Руфь?

The Indian woman settled the coffee with a piece of ice, glanced from Malemute Kid to her husband, then at the dogs, but vouchsafed no reply.

Индианка бросила в кофе кусочек льда, чтобы осела гуща, перевела взгляд с Мэйлмюта Кида на мужа, затем на собак, но ничего не ответила.

It was such a palpable truism that none was necessary.

Столь очевидная истина не требовала подтверждения. Другого выхода им не оставалось.

Two hundred miles of unbroken trail in prospect, with a scant six days' grub for themselves and none for the dogs, could admit no other alternative.

Впереди двести миль по непроложенному пути, еды нехватит всего дней на шесть, а для собак и совсем ничего нет.

The two men and the woman grouped about the fire and began their meager meal.

Оба охотника и женщина придвинулись к костру и принялись за скудный завтрак.

The dogs lay in their harnesses for it was a midday halt, and watched each mouthful enviously.

Собаки лежали в упряжке, так как это была короткая дневная стоянка, и завистливо следили за каждым их куском.

'No more lunches after today,' said Malemute Kid. 'And we've got to keep a close eye on the dogs-they're getting vicious. They'd just as soon pull a fellow down as not, if they get a chance.'

- С завтрашнего дня никаких завтраков, - сказал Мэйлмют Кид, - и не спускать глаз с собак; они совсем от рук отбились, того и гляди, набросятся на нас, если подвернется удобный случай.

'And I was president of an Epworth once, and taught in the Sunday school.'

- А ведь когда-то я был главой методистской общины и преподавал в воскресной школе!

Having irrelevantly delivered himself of this, Mason fell into a dreamy contemplation of his steaming moccasins, but was aroused by Ruth filling his cup.

И, неизвестно к чему объявив об этом, Мэйсон погрузился в созерцание своих мокасин, от которых шел пар. Руфь вывела его из задумчивости, налив ему чашку кофе.

' Thank God, we've got slathers of tea!

- Слава богу, что у нас вдоволь чая.

I've seen it growing, down in Tennessee.

Я видел, как чай растет, дома, в Теннесси.

What wouldn't I give for a hot corn

Чего бы я теперь не дал за

pone just now!
Never mind, Ruth; you won't starve much longer, nor wear moccasins either.'

The woman threw off her gloom at this, and in her eyes welled up a great love for her white lord-the first white man she had ever seen-the first man whom she had known to treat a woman as something better than a mere animal or beast of burden.

'Yes, Ruth,' continued her husband, having recourse to the macaronic jargon in which it was alone possible for them to understand each other; 'wait till we clean up and pull for the Outside. We'll take the White Man's canoe and go to the Salt Water.

Yes, bad water, rough water-great mountains dance up and down all the time.

And so big, so far, so far away-you travel ten sleep, twenty sleep, forty sleep'-he graphically enumerated the days on his fingers-'all the time water, bad water.

Then you come to great village, plenty people, just the same mosquitoes next summer.

Wigwams oh, so high-ten, twenty pines.

' Hi-yu skookum!'

He paused impotently, cast an appealing glance at Malemute Kid, then laboriously placed the twenty pines, end on end, by sign language.

горячую кукурузную лепешку!..
Не горюй, Руфь, еще немного, и тебе не придется больше голодать, да и мокасины не надо будет носить.

При этих словах женщина перестала хмуриться, и глаза ее засветились любовью к ее белому господину - первому белому человеку, которого она встретила, первому мужчине, который показал ей, что в женщине можно видеть не только животное или вьючную скотину.

- Да, Руфь, - продолжал ее муж на том условном языке, единственно на котором они и могли объясняться друг с другом, - вот скоро мы выберемся отсюда, сядем в лодку белого человека и поедем к Соленой Воде.

Да, плохая вода, бурная вода - словно водяные горы скачут вверх и вниз.

А как ее много, как долго по ней ехать! Едешь десять снов, двадцать снов - для большей наглядности Мэйсон отсчитывал дни на пальцах, -и все время вода, плохая вода.

Потом приедем в большое селение, народу много, все равно как мошкары летом.

Вигвамы вот какие высокие - в десять, двадцать сосен!..

Эх!

Он замолчал, не находя слов, и бросил умоляющий взгляд на Мэйлмюта Кида, потом старательно стал показывать руками, как это будет высоко, если поставить одну на другую

двадцать сосен.

Malemute Kid smiled with cheery cynicism; but Ruth's eyes were wide with wonder, and with pleasure; for she half believed he was joking, and such condescension pleased her woman's heart.

Мэйлмют Кид насмешливо улыбнулся, но глаза Руфи расширились от удивления и счастья; она думала, что муж шутит, и такая милость радовала ее бедное женское сердце.

' And then you step into a-a box, and pouf! up you go.'

- А потом сядем в... в ящик, и - пифф! - поехали.

He tossed his empty cup in the air by way of illustration and, as he deftly caught it, cried: 'And biff! down you come.

В виде пояснения Мэйсон подбросил в воздух пустую кружку и, ловко поймав ее, закричал: - И вот - пафф! - уже приехали!

Oh, great medicine men!

О великие шаманы!

You go Fort Yukon. I go Arctic City-twenty-five sleep-big string, all the time-I catch him string-I say,

Ты едешь в Форт Юкон, а я еду в Арктик-сити -двадцать пять снов. Длинная веревка оттуда сюда, я хватаюсь за эту веревку и говорю:

"Hello, Ruth!

"Алло, Руфь!

How are ye?"-and you say,

Как живешь?" А ты говоришь:

"Is that my good husband?"-and I say,

"Это ты, муженек?" Я говорю:

"Yes"-and you say,

"Да". А ты говоришь:

"No can bake good bread, no more soda"-then I say,

"Нельзя печь хлеб: больше соды нет". Тогда я говорю:

"Look in cache, under flour; good-by."

"Посмотри в чулане, под мукой. Прощай!"

You look and catch plenty soda.

Ты идешь в чулан и берешь соды сколько нужно.

All the time you Fort Yukon, me Arctic City.

И все время ты в Форте Юкон, а я - в Арктик-сити.

Hi-yu medicine man!'

Вот они какие, шаманы!

Ruth smiled so ingenuously at the fairy story that both men burst into laughter.

Руфь так простодушно улыбнулась этой волшебной сказке, что мужчины покатились со смеху.

A row among the dogs cut short the wonders of the Outside, and by the time the snarling combatants were separated, she had lashed the sleds and all was ready for the

Шум, поднятый дерущимися собаками, оборвал рассказы о чудесах далекой страны, и к тому времени, когда драчунов разняли, женщина уже успела

trail.-'Mush!

Baldy! Hi!

Mush on!'

Mason worked his whip smartly and, as the dogs whined low in the traces, broke out the sled with the gee pole.

Ruth followed with the second team, leaving Malemute Kid, who had helped her start, to bring up the rear.

Strong man, brute that he was, capable of felling an ox at a blow, he could not bear to beat the poor animals, but humored them as a dog driver rarely does-nay, almost wept with them in their misery.

'Come, mush on there, you poor-sore-footed brutes!' he murmured, after several ineffectual attempts to start the load.

But his patience was at last rewarded, and though whimpering with pain, they hastened to join their fellows.

No more conversation; the toil of the trail will not permit such extravagance.

And of all deadening labors, that of the Northland trail is the worst.

Happy is the man who can weather a day's travel at the price of silence, and that on a beaten track.

And of all heartbreaking labors, that of breaking trail is the worst.

At every step the great webbed shoe sinks till the snow is level with the knee.

увязать нарты, и все было готово, чтобы двинуться в путь.

- Вперед, Лысый!

Эй, вперед!

Мэйсон ловко щелкнул бичом и, когда собаки начали, потихоньку повизгивая, натягивать постромки, уперся в поворотный шест и сдвинул с места примерзшие нарты.

Руфь следовала за ним со второй упряжкой, а Мэйлмют Кид, помогавший ей тронуться, замыкал шествие.

Сильный и суровый человек, способный свалить быка одним ударом, он не мог бить несчастных собак и по возможности щадил их, что погонщики делают редко. Иной раз Мэйлмют Кид чуть не плакал от жалости, глядя на них.

- Ну вперед, хромоногие! - пробормотал он после нескольких тщетных попыток сдвинуть тяжелые нарты.

Наконец его терпение было вознаграждено, и, повизгивая от боли, собаки бросились догонять своих собратьев.

Разговоры смолкли. Трудный путь не допускает такой роскоши.

А езда на севере - тяжкий, убийственный труд.

Счастлив тот, кто ценою молчания выдержит день такого пути, и то еще по проложенной тропе.

Но нет труда изнурительнее, чем прокладывать дорогу.

На каждом шагу широкие плетеные лыжи проваливаются, и ноги уходят в снег по самое

колено.

Then up, straight up, the deviation of a fraction of an inch being a certain precursor of disaster, the snowshoe must be lifted till the surface is cleared; then forward, down, and the other foot is raised perpendicularly for the matter of half a yard.

Потом надо осторожно вытаскивать ногу - отклонение от вертикали на ничтожную долю дюйма грозит бедой, - пока поверхность лыжи не очистится от снега. Тогда шаг вперед - и начинаешь поднимать другую ногу, тоже по меньшей мере на пол-ярда.

He who tries this for the first time, if haply he avoids bringing his shoes in dangerous propinquity and measures not his length on the treacherous footing, will give up exhausted at the end of a hundred yards; he who can keep out of the way of the dogs for a whole day may well crawl into his sleeping bag with a clear conscience and pride which passeth all understanding; and he who travels twenty sleeps on the Long Trail is a man whom the gods may envy.

Кто проделывает это впервые, валится от изнеможения через сто ярдов, даже если до того он не зацепит одной лыжей за другую и не растянется во весь рост, доверившись предательскому снегу. Кто сумеет за весь день ни разу не попасть под ноги собакам, тот может с чистой совестью и с величайшей гордостью забираться в спальный мешок; а тому, кто пройдет двадцать снов по великой Северной Тропе, могут позавидовать и боги.

The afternoon wore on, and with the awe, born of the White Silence, the voiceless travelers bent to their work.

День клонился к вечеру, и подавленные величием Белого Безмолвия путники молча прокладывали себе путь.

Nature has many tricks wherewith she convinces man of his finity-the ceaseless flow of the tides, the fury of the storm, the shock of the earthquake, the long roll of heaven's artillery-but the most tremendous, the most stupefying of all, is the passive phase of the White Silence.

У природы много способов убедить человека в его смертности: непрерывное чередование приливов и отливов, ярость бури, ужасы землетрясения, громовые раскаты небесной артиллерии. Но всего сильнее, всего сокрушительнее - Белое Безмолвие в его бесстрастности.

All movement ceases, the sky clears, the heavens are as brass; the slightest whisper seems sacrilege, and man becomes timid, affrighted at the sound of his own

Ничто не шелохнется, небо ярко, как отполированная медь, малейший шепот кажется святотатством, и человек пугается собственного голоса.

voice.

Sole speck of life journeying across the ghostly wastes of a dead world, he trembles at his audacity, realizes that his is a maggot's life, nothing more.

Единственная частица живого, передвигающаяся по призрачной пустыне мертвого мира, он страшится своей дерзости, остро сознавая, что он всего лишь червь.

Strange thoughts arise unsummoned, and the mystery of all things strives for utterance.

Сами собой возникают странные мысли, тайна вселенной ищет своего выражения.

And the fear of death, of God, of the universe, comes over him-the hope of the Resurrection and the Life, the yearning for immortality, the vain striving of the imprisoned essence-it is then, if ever, man walks alone with God.

И на человека находит страх перед смертью, перед богом, перед всем миром, а вместе со страхом - надежда на воскресение и жизнь и тоска по бессмертию - тщетное стремление плененной материи; вот тогда-то человек остается наедине с богом.

So wore the day away.

День клонился к вечеру.

The river took a great bend, and Mason headed his team for the cutoff across the narrow neck of land.

Русло реки делало тут крутой поворот, и Мэйсон, чтобы срезать угол, направил свою упряжку через узкий мыс.

But the dogs balked at the high bank.

Но собаки никак не могли взять подъем.

Again and again, though Ruth and Malemute Kid were shoving on the sled, they slipped back.

Нарты сползали вниз, несмотря на то, что Руфь и Мэйлмют Кид подталкивали их сзади.

Then came the concerted effort. The miserable creatures, weak from hunger, exerted their last strength.

Еще одна отчаянная попытка; несчастные, ослабевшие от голода животные напрягли последние силы.

Up-up-the sled poised on the top of the bank; but the leader swung the string of dogs behind him to the right, fouling Mason's snowshoes.

Выше, еще выше - нарты выбрались на берег. Но тут вожак потянул упряжку вправо, и нарты наехали на лыжи Мэйсона.

The result was grievous. Mason was whipped off his feet; one of the dogs fell in the traces; and the sled toppled back, dragging everything to the bottom again.

Последствия были печальные: Мэйсона сбило с ног, одна из собак упала, запутавшись в постромках, и нарты покатились вниз по откосу, увлекая за собой упряжку.

Slash! the whip fell among the dogs savagely, especially upon the one which had fallen.

Хлоп! Хлоп! Бич так и свистел в воздухе, и больше всех досталось упавшей собаке.

'Don't,-Mason,' entreated Malemute Kid; 'the poor devil's on its last legs. Wait and we'll put my team on.'

- Перестань, Мэйсон! - вступился Мэйлмют Кид.- Несчастная и так при последнем издыхании. Постой, мы сейчас припряжем моих.

Mason deliberately withheld the whip till the last word had fallen, then out flashed the long lash, completely curling about the offending creature's body.

Мэйсон выждал, когда тот кончит говорить, - и длинный бич обвился вокруг провинившейся собаки.

Carmen-for it was Carmen-cowered in the snow, cried piteously, then rolled over on her side.

Кармен - это была она - жалобно взвизгнула, зарылась в снег, потом перевернулась на бок.

It was a tragic moment, a pitiful incident of the trail-a dying dog, two comrades in anger.

То была трудная, тягостная минута для путников: издыхает собака, ссорятся двое друзей.

Ruth glanced solicitously from man to man.

Руфь умоляюще переводила взгляд с одного на другого.

But Malemute Kid restrained himself, though there was a world of reproach in his eyes, and, bending over the dog, cut the traces.

Но Мэйлмют Кид сдержал себя, хотя глаза его и выражали горький укор, и, наклонившись над собакой, обрезал постромки.

No word was spoken.

Никто не проронил ни слова.

The teams were doublespanned and the difficulty overcome; the sleds were under way again, the dying dog dragging herself along in the rear.

Упряжки спарили, подъем был взят; нарты снова двинулись в путь. Кармен из последних сил тащилась позади.

As long as an animal can travel, it is not shot, and this last chance is accorded it-the crawling into camp, if it can, in the hope of a moose being killed.

Пока собака может идти, ее не пристреливают, у нее остается последний шанс на жизнь: дотащиться до стоянки, а там, может быть, люди убьют лося.

Already penitent for his angry action, but too stubborn to make amends, Mason toiled on at the head of the cavalcade, little dreaming that danger hovered in the air.

Раскаиваясь в своем поступке, но из упрямства не желая сознаться в этом, Мэйсон шел впереди и не подозревал о надвигающейся опасности.

The timber clustered thick in the

Они пробирались сквозь густой

sheltered bottom, and through this they threaded their way.
кустарник в низине.

Fifty feet or more from the trail towered a lofty pine.
Футах в пятидесяти в стороне высилась старая сосна.

For generations it had stood there, and for generations destiny had had this one end in view-perhaps- the same had been decreed of Mason.
Века стояла она здесь, и судьба веками готовила ей такой конец ей, а, может быть, заодно и Мэйсону.

He stooped to fasten the loosened thong of his moccasin.
Он остановился завязать ослабнувший ремень на мокасине.

The sleds came to a halt, and the dogs lay down in the snow without a whimper.
Нарты стали, и собаки молча легли на снег.

The stillness was weird; not a breath rustled the frost-encrusted forest; the cold and silence of outer space had chilled the heart and smote the trembling lips of nature.
Вокруг стояла зловещая тишина, ни единого движения не было в осыпанном снегом лесу; холод и безмолвие заморозили сердце и сковали дрожащие уста природы.

A sigh pulsed through the air-they did not seem to actually hear it, but rather felt it, like the premonition of movement in a motionless void.
Вдруг в воздухе пронесся вздох; они даже не услышали, а скорее ощутили его как предвестника движения в этой неподвижной пустыне.

Then the great tree, burdened with its weight of years and snow, played its last part in the tragedy of life.
И вот огромное дерево, склонившееся под бременем лет и тяжестью снега, сыграло свою последнюю роль в трагедии жизни.

He heard the warning crash and attempted to spring up but, almost erect, caught the blow squarely on the shoulder.
Мэйсон услышал треск, хотел было отскочить в сторону, но не успел он выпрямиться, как дерево придавило его, ударив по плечу.

The sudden danger, the quick death-how often had Malemute Kid faced it!
Внезапная опасность, мгновенная смерть - как часто Мэйлмют Кид сталкивался с тем и другим!

The pine needles were still quivering as he gave his commands and sprang into action.
Еще дрожали иглы на ветвях, а он уже успел отдать приказание женщине и кинуться на помощь.

Nor did the Indian girl faint or
Индианка тоже не упала без

raise her voice in idle wailing, as might many of her white sisters.

чувств и не стала проливать ненужные слезы, как это сделали бы многие из ее белых сестер.

At his order, she threw her weight on the end of a quickly extemporized handspike, easing the pressure and listening to her husband's groans, while Malemute Kid attacked the tree with his ax.

По первому слову Мэйлмюта Кида она всем телом налегла на приспособленную в виде рычага палку, ослабляя тяжесть и прислушиваясь к стонам мужа, а Мэйлмют Кид принялся рубить дерево топором.

The steel rang merrily as it bit into the frozen trunk, each stroke being accompanied by a forced, audible respiration, the 'Huh!' 'Huh!' of the woodsman.

Сталь весело звенела, вгрызаясь в промерзший ствол, и каждый удар сопровождался натужным, громким выдохом Мэйлмюта Кида.

At last the Kid laid the pitiable thing that was once a man in the snow.

Наконец, Кид положил на снег жалкие останки того, что так недавно было человеком.

But worse than his comrade's pain was the dumb anguish in the woman's face, the blended look of hopeful, hopeless query.

Но страшнее мучений его товарища была немая скорбь в лице женщины и ее взгляд, исполненный и надежды и отчаяния.

Little was said; those of the Northland are early taught the futility of words and the inestimable value of deeds.

Сказано было мало: жители Севера рано познают тщету слов и неоценимое благо действий.

With the temperature at sixty-five below zero, a man cannot lie many minutes in the snow and live.

При температуре в шестьдесят пять градусов ниже нуля note 1человеку нельзя долго лежать на снегу.

So the sled lashings were cut, and the sufferer, rolled in furs, laid on a couch of boughs.

С нарт срезали ремни, и несчастного Мэйсона закутали в звериные шкуры и положили на подстилку из веток.

Before him roared a fire, built of the very wood which wrought the mishap.

Запылал костер; на топливо пошло то самое дерево, что было причиной несчастья.

Behind and partially over him was stretched the primitive fly-a piece of canvas, which caught the radiating heat and threw it back and down upon him-a trick which men may know who study physics

Над костром устроили примитивный полог: натянули кусок парусины, чтобы он задерживал тепло и отбрасывал его вниз, - способ, хорошо известный людям, которые

at the fount.

учатся физике у природы.

And men who have shared their bed with death know when the call is sounded.

Те, кто не раз делил ложе со смертью, узнают ее зов.

Mason was terribly crushed.

Мэйсон был страшным образом искалечен.

The most cursory examination revealed it. His right arm, leg, and back were broken; his limbs were paralyzed from the hips; and the likelihood of internal injuries was large.

Это стало ясно даже при беглом осмотре: перелом правой руки, бедра и позвоночника; ноги парализованы; вероятно, повреждены и внутренние органы.

An occasional moan was his only sign of life.

Только редкие стоны несчастного свидетельствовали о том, что он еще жив.

No hope; nothing to be done.

Никакой надежды, сделать ничего нельзя.

The pitiless night crept slowly by-Ruth's portion, the despairing stoicism of her race, and Malemute Kid adding new lines to his face of bronze.

Медленно тянулась безжалостная ночь. Руфь встретила ее со стоическим отчаянием, свойственным ее народу; на бронзовом лице Мэйлмюта Кида прибавилось несколько морщин.

In fact, Mason suffered least of all, for he spent his time in eastern Tennessee, in the Great Smoky Mountains, living over the scenes of his childhood.

В сущности, меньше всего страдал Мэйсон, - он перенесся в Восточный Теннесси, к Великим Туманным Г орам, и вновь переживал свое детство.

And most pathetic was the melody of his long-forgotten Southern vernacular, as he raved of swimming holes and coon hunts and watermelon raids.

Трогательно звучала мелодия давно забытого южного города: он бредил о купании в озерах, об охоте на енота и набегах за арбузами.

It was as Greek to Ruth, but the Kid understood and felt-felt as only one can feel who has been shut out for years from all that civilization means.

Для Руфи это были только невнятные звуки, но Кид понимал все, и каждое слово отдавалось в его душе - так может сочувствовать только тот, кто долгие годы был лишен всего, что зовется цивилизацией.

Morning brought consciousness to the stricken man, and Malemute Kid bent closer to catch his

Утром умирающий пришел в себя, и Мэйлмют Кид наклонился к нему, стараясь

whispers.
уловить его шепот:
'You remember when we- Помнишь, как мы встретились
foregathered on the Tanana, fourна Танане?.. Четыре года минет
years come next ice run? I didn'tв ближайший ледоход... Тогда я
care so much for her then. It wasне так уж любил ее, просто она
more like she was pretty, and thereбыла хорошенькая... вот и
was a smack of excitement aboutувлекся.
it, I think.
But d'ye know, I've come to think aА потом привязался к ней.
heap of her.
She's been a good wife to me,Она была хорошей женой, в
always at my shoulder in theтрудную минуту всегда рядом.
pinch.
And when it comes to trading, youА уж что касается нашего
know there isn't her equal. D'yeпромысла, сам знаешь -равной
recollect the time she shot theей не сыскать... Помнишь, как
Moosehorn Rapids to pull you andона переплыла пороги Оленьи
me off that rock, the bulletsPога и сняла нас с тобой со
whipping the water like hailскалы, да еще под градом пуль,
stones?-and the time of the faminехлеставших по воде? А голод в
at Nuklukyeto?-when she raced theНуклукайто? А как она бежала
ice run to bring the news?
по льдам, торопилась скорее
передать нам вести?
'Yes, she's been a good wife to me,Да, Руфь была мне хорошей
better'n that other one. Didn'tженой - лучшей, чем та, другая...
know I'd been there?
Ты не знал, что я был женат?
'Never told you, eh?
Я не говорил тебе?
Well, I tried it once, down in theДа, попробовал раз стать
States.
женатым человеком... дома, в
Штатах.
That's why I'm here.
Оттого-то и попал сюда.
Been raised together, too.
А ведь вместе росли.
I came away to give her a chanceУехал, чтобы дать ей повод к
for divorce.
разводу.
She got it.
Она его получила.
'But that's got nothing to do withРуфь - дело другое.
Ruth.
I had thought of cleaning up andЯ думал покончить здесь со всем
pulling for the Outside next year-и уехать в будущем году вместе
her and I-but it's too late.
с ней. Но теперь поздно об этом
говорить.
Don't send her back to her people,Не отправляй Руфь назад к ее
Kid.
племени, Кид.
It's beastly hard for a woman to goСлишком трудно ей будет там.

back.

Think of it!-nearly four years on our bacon and beans and flour and dried fruit, and then to go back to her fish and caribou.

Подумай только: почти четыре года есть с нами бобы, бекон, хлеб, сушеные фрукты - и после этого опять рыба да оленина!

It's not good for her to have tried our ways, to come to know they're better'n her people's, and then return to them.

Узнать более легкую жизнь, привыкнуть к ней, а потом вернуться к старому. Ей будет трудно.

Take care of her, Kid, why don't you-but no, you always fought shy of them-and you never told me why you came to this country.

Позаботься о ней, Кид... Почему бы тебе... да нет, ты всегда сторонился женщин... Я ведь так и не узнаю, что тебя привело сюда.

Be kind to her, and send her back to the States as soon as you can.

Будь добр к ней и отправь ее в Штаты как можно скорее.

But fix it so she can come back-liable to get homesick, you know.

Но если она будет тосковать по родине, помоги ей вернуться.

' And the youngster-it's drawn us closer, Kid.

Ребенок... он еще больше сблизил нас, Кид.

I only hope it is a boy.

Хочу надеяться, что будет мальчик.

Think of it!-flesh of my flesh, Kid.

Ты только подумай, Кид! Плоть от плоти моей.

He mustn't stop in this country.

Нельзя, чтобы он оставался здесь.

And if it's a girl, why, she can't. Sell my furs; they'll fetch at least five thousand, and I've got as much more with the company.

А если девочка... нет, этого не может быть... Продай мои шкуры: за них можно выручить тысяч пять, и еще столько же у меня за Компанией.

And handle my interests with yours.

Устраивай мои дела вместе со своими.

I think that bench claim will show up. See that he gets a good schooling; and Kid, above all, don't let him come back.

Думаю, что наша заявка себя оправдает... Дай ему хорошее образование... а главное, Кид, чтобы он не возвращался сюда.

This country was not made for white men.

Здесь не место белому человеку.

' I'm a gone man, Kid.

Моя песенка спета, Кид.

Three or four sleeps at the best.

В лучшем случае - три или четыре дня.

You've got to go on.

Вам надо идти дальше.

You must go on!

Вы должны идти дальше!

Remember, it's my wife, it's my boy-O God!	Помни, это моя жена, мой сын... Господи!
I hope it's a boy!	Только бы мальчик!
You can't stay by me-and I charge you, a dying man, to pull on.'	Не оставайтесь со мной. Я приказываю вам уходить. Послушайся умирающего!
' Give me three days,' pleaded Malemute Kid.	- Дай мне три дня! - взмолился Мэйлмют Кид.
'You may change for the better; something may turn up.'	- Может быть, тебе станет легче; еще неизвестно, как все обернется.
'No.'	- Нет.
' Just three days.'	- Только три дня.
'You must pull on.'	- Уходите!
' Two days.'	- Два дня.
' It's my wife and my boy, Kid. You would not ask it.'	- Это моя жена и мой сын, Кид. Не проси меня.
' One day.'	- Один день!
'No, no!	- Нет!
I charge-'	Я приказываю!
'Only one day.	- Только один день!
We can shave it through on the grub, and I might knock over a moose.'	Мы как-нибудь протянем с едой; ая, может быть, подстрелю лося.
'No-all right; one day, but not a minute more.	- Нет!.. Ну ладно: один день, и ни минуты больше.
And, Kid, don't-don't leave me to face it alone.	И еще, Кид: не оставляй меня умирать одного.
Just a shot, one pull on the trigger.	Только один выстрел, только раз нажать курок.
You understand.	Ты понял?
Think of it!	Помни это.
Think of it!	Помни!..
Flesh of my flesh, and I'll never live to see him! 'Send Ruth here.	Плоть от плоти моей, а я его не увижу... Позови ко мне Руфь.
I want to say good-by and tell her that she must think of the boy and not wait till I'm dead.	Я хочу проститься с ней... скажу, чтобы помнила о сыне и не дожидалась, пока я умру.
She might refuse to go with you if I didn't.	А не то она, пожалуй, откажется идти с тобой.
Goodby, old man; good-by.	Прощай, друг, прощай!
'Kid! I say-a-sink a hole above the pup, next to the slide.	Кид, постой... надо копать выше.
I panned out forty cents on my	Я намывал там каждый раз

shovel there.
' And, Kid!'
He stooped lower to catch the last faint words, the dying man's surrender of his pride.
' I'm sorry-for-you know-Carmen.'
Leaving the girl crying softly over her man, Malemute Kid slipped into his parka and snowshoes, tucked his rifle under his arm, and crept away into the forest.
He was no tyro in the stern sorrows of the Northland, but never had he faced so stiff a problem as this.
In the abstract, it was a plain, mathematical proposition-three possible lives as against one doomed one.
But now he hesitated.
For five years, shoulder to shoulder, on the rivers and trails, in the camps and mines, facing death by field and flood and famine, had they knitted the bonds of their comradeship.
So close was the tie that he had often been conscious of a vague jealousy of Ruth, from the first time she had come between.
And now it must be severed by his own hand.
Though he prayed for a moose, just one moose, all game seemed to have deserted the land, and nightfall found the exhausted man crawling into camp, lighthanded, heavyhearted.
An uproar from the dogs and shrill

центов на сорок.
И вот еще что, Кид...
Тот наклонился ниже, ловя последние, едва слышные слова - признание умирающего, смирившего свою гордость.
- Прости меня... ты знаешь за что... за Кармен.
Оставив плачущую женщину подле мужа, Мэйлмют Кид натянул на себя парку note 2, надел лыжи и, прихватив ружье, скрылся в лесу.
Он не был новичком в схватке с суровым Севером, но никогда еще перед ним не стояла столь трудная задача.
Если рассуждать отвлеченно, это была простая арифметика - три жизни против одной, обреченной.
Но Мэйлмют Кид колебался.
Пять лет дружбы связывали его с Мэйсоном - в совместной жизни на стоянках и приисках, в странствиях по рекам и тропам, в смертельной опасности, которую они встречали плечом к плечу на охоте, в голод, в наводнение.
Так прочна была их связь, что он часто чувствовал смутную тревность к Руфи, с первого дня, как она стала между ними.
А теперь эту связь надо разорвать собственной рукой.
Он молил небо, чтобы оно послало ему лося, только одного лося, но, казалось, зверь покинул страну, и под вечер, выбившись из сил, он возвращался с пустыми руками и с тяжелым сердцем.
Оглушительный лай собак и

cries from Ruth hastened him.

пронзительные крики Руфи заставили его ускорить шаг.

Bursting into the camp, he saw the girl in the midst of the snarling pack, laying about her with an ax.

Подбежав к стоянке, Мэйлмют Кид увидел, что индианка отбивается топором от окружившей ее рычащей своры.

The dogs had broken the iron rule of their masters and were rushing the grub.

Собаки, нарушив железный закон своих хозяев, набросились на съестные припасы.

He joined the issue with his rifle reversed, and the hoary game of natural selection was played out with all the ruthlessness of its primeval environment.

Кид поспешил на подмогу, действуя прикладом ружья, и древняя трагедия естественного отбора разыгралась во всей своей первобытной жестокости.

Rifle and ax went up and down, hit or missed with monotonous regularity; lithe bodies flashed, with wild eyes and dripping fangs; and man and beast fought for supremacy to the bitterest conclusion.

Ружье и топор размеренно поднимались и опускались, то попадая в цель, то мимо; собаки, извиваясь, метались из стороны в сторону, яростно сверкали глаза, слюна капала с оскаленных морд. Человек и зверь исступленно боролись за господство.

Then the beaten brutes crept to the edge of the firelight, licking their wounds, voicing their misery to the stars.

Потом избитые собаки уползли подальше от костра, зализывая раны и обращая к звездам жалобный вой.

The whole stock of dried salmon had been devoured, and perhaps five pounds of flour remained to tide them over two hundred miles of wilderness.

Весь запас вяленой рыбы был уничтожен, и на дальнейший путь в двести с лишком миль осталось не более пяти фунтов муки.

Ruth returned to her husband, while Malemute Kid cut up the warm body of one of the dogs, the skull of which had been crushed by the ax.

Руфь снова подошла к мужу, а Мэйлмют Кид освежевал одну из собак, череп которой был проломлен топором, и нарубил кусками еще теплое мясо.

Every portion was carefully put away, save the hide and offal, which were cast to his fellows of the moment before.

Все куски он спрятал в надежное место, а шкуру и требуху бросил недавним товарищам убитого пса.

Morning brought fresh trouble.

Утро принесло новые заботы.

The animals were turning on each other.

Собаки грызлись между собой.

Carmen, who still clung to her slender thread of life, was downed by the pack.
Свора набросилась на Кармен, которая все еще цеплялась за жизнь.

The lash fell among them unheeded.
Посыпавшиеся на них удары бича не помогли делу.

They cringed and cried under the blows, but refused to scatter till the last wretched bit had disappeared-bones, hide, hair, everything.
Собаки взвизгивали и припадали к земле, но только тогда разбежались, когда от Кармен не осталось ни костей, ни клочка шерсти.

Malemute Kid went about his work, listening to Mason, who was back in Tennessee, delivering tangled discourses and wild exhortations to his brethren of other days.
Мэйлмют Кид принялся за работу, прислушиваясь к бреду Мэйсона, который снова перенесся в Теннесси, снова произносил несвязные проповеди, убеждая в чем-то своих собратьев.

Taking advantage of neighboring pines, he worked rapidly, and Ruth watched him make a cache similar to those sometimes used by hunters to preserve their meat from the wolverines and dogs.
Сосны стояли близко, и Мэйлмют Кид быстро делал свое дело: Руфь наблюдала, как он сооружает хранилище, какие устраивают охотники, желая уберечь припасы от росомах и собак.

One after the other, he bent the tops of two small pines toward each other and nearly to the ground, making them fast with thongs of moosehide.
Он нагнул верхушки двух сосенок почти до земли и связал их ремнями из оленьей кожи.

Then he beat the dogs into submission and harnessed them to two of the sleds, loading the same with everything but the furs which enveloped Mason.
Затем, ударами бича смирив собак, запряг их в нарты и погрузил туда все, кроме шкур, в которые был закутан Мэйсон.

These he wrapped and lashed tightly about him, fastening either end of the robes to the bent pines.
Товарища он обвязал ремнями, прикрепив концы их к верхушкам сосен.

A single stroke of his hunting knife would release them and send the body high in the air.
Один взмах ножа - и сосны выпрямятся и поднимут тело высоко над землей.

Ruth had received her husband's last wishes and made no struggle.
Руфь безропотно выслушала последнюю волю мужа.

Poor girl, she had learned the lesson of obedience well.
Бедняжку не надо было учить послушанию.

From a child, she had bowed, and seen all women bow, to the lords of creation, and it did not seem in the nature of things for woman to resist.

Еще девочкой она вместе со всеми женщинами своего племени преклонялась перед властелином всего живущего, перед мужчиной, которому не подобает прекословить.

The Kid permitted her one outburst of grief, as she kissed her husband-her own people had no such- custom-then led her to the foremost sled and helped her into her snowshoes.

Кид не стал утешать Руфь, когда та напоследок поцеловала мужа, - ее народ не знает такого обычая, - а потом отвел ее к передним нартам и помог надеть лыжи.

Blindly, instinctively, she took the gee pole and whip, and 'mushed' the dogs out on the trail.

Как слепая, она машинально взялась за шест, взмахнула бичом и, погоняя собак, двинулась в путь.

Then he returned to Mason, who had fallen into a coma, and long after she was out of sight crouched by the fire, waiting, hoping, praying for his comrade to die.

Тогда он вернулся к Мэйсону, впавшему в беспамятство; Руфь уже давно скрылась из виду, а он все сидел у костра, ожидая смерти друга и моля, чтобы она пришла скорее.

It is not pleasant to be alone with painful thoughts in the White Silence.

Нелегко оставаться наедине с горестными мыслями среди Белого Безмолвия.

The silence of gloom is merciful, shrouding one as with protection and breathing a thousand intangible sympathies; but the bright White Silence, clear and cold, under steely skies, is pitiless.

Безмолвие мрака милосердно, оно как бы защищает человека, согревая его неуловимым сочувствием, а прозрачно-чистое и холодное Белое Безмолвие, раскинувшееся под стальным небом, безжалостно.

An hour passed-two hours-but the man would not die.

Прошел час, два - Мэйсон не умирал.

At high noon the sun, without raising its rim above the southern horizon, threw a suggestion of fire athwart the heavens, then quickly drew it back.

В полдень солнце не показываясь над горизонтом, озарило небо красноватым светом, но он вскоре померк.

Malemute Kid roused and dragged himself to his comrade's side. He cast one glance about him.

Мэйлмют Кпд встал, заставил себя подойти к Мэйсону и огляделся по сторонам.

The White Silence seemed to sneer, and a great fear came upon him.

Белое Безмолвие словно издевалось над ним. Его охватил

страх.

There was a sharp report; Mason swung into his aerial sepulcher, and Malemute Kid lashed the dogs into a wild gallop as he fled across the snow.

Раздался короткий выстрел. Мэйсон взлетел ввысь, в свою воздушную гробницу, а Мэйлмют Кпд, нахлестывая собак, во весь опор помчался прочь по снежной пустыне.